

ЛП.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Декабрь 1836.)

Съ новою радостью читалъ я письмо ваше отъ ноября 17, оно мнѣ снова изобразило полное довольство ваше моимъ трудомъ и восторгъ, который порождаютъ въ васъ похвалы другихъ сему моему успѣху. Я никакъ не ждалъ такихъ счастливыхъ минутъ, и потому вы можете себѣ представить, какъ все это меня ободряетъ. Мы, художники, сложились на полученіе въ Римѣ газетъ и журналовъ, и такимъ образомъ, хотя и поздно, но будемъ все знать, что у насъ тамъ глаголятъ. Вы меня не премините извѣстить, куда будетъ поставлена моя картина, по поднесеніи ея Государю Императору. Всякая подробность для меня весьма занимательна. Ходите ли вы къ Бруни? Съ будущимъ курьеромъ будетъ грузное письмо съ моимъ эскизомъ. Какъ трудно придумать эпизоды въ мою картину, о сю пору совсѣмъ не доволенъ ими. А когда-же буду доволенъ? Помощи просить едва ли у кого можно. Кто захочетъ для меня такъ глубоко входить во всѣ подробности моего предмета? Торвальдсенъ говоритъ, что этотъ предметъ можно сочинить на сто различныхъ манеровъ. Овербекъ желалъ бы въ подобныхъ сюжетахъ видѣть моральную часть, какъ можно строже обдуманную; снѣ не вѣрить, чтобы, безъ совершенной преданности религіи и самой высокой набожности самого художника, можно было успѣть въ таковыхъ сюжетахъ. Корнеліусъ еще строже: колоритъ, рельефъ, отдѣлку, онъ пропускаетъ безъ вниманія, и глядитъ на то только, въ чемъ онъ самъ силенъ,—на композицію. О прочихъ художникахъ я не упоминаю; изъ нихъ итальянскіе гроша не стоятъ, это корыстолюбивое отродье, помѣшаны на шарлатанствѣ, хвастовствѣ и интригахъ, и считаютъ каждый успѣхъ иностранца въ художествѣ крайней для себя обидой. Они думаютъ, что художниками могутъ быть одни итальянцы.

Я бы чрезвычайно былъ доволенъ слышать улучшенія въ вашемъ положеніи, это бы сдѣлало меня независимымъ

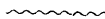
въ будущихъ моихъ планахъ. Въ противномъ случаѣ, я долженъ буду вступить на службу академическую, по приѣздѣ изъ Рима. Меня кидаетъ въ ознобъ при одной идеѣ о ней. Благодарю васъ за замѣчанія на мою картину «Иисусъ съ Магдалиною». Третьяго дня я получилъ отъ президента Академіи бумагу, при ней не было приложено особеннаго письма или замѣчанія. Жду и не могу дожидаться письма отъ Общества. Какъ это въ самомъ дѣлѣ для меня важно и любопытно!

Что-жъ вы мнѣ ничего не сказали о наводненіи? Я вамъ постараюсь прислать портретъ мой: я имѣю бакенбарды легкіе, но усы и бороду значительные, и, можетъ быть, отъ этого покажусь вамъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ вы меня обыкновенно привыкли полагать. Чувствуя все величіе таланта Кипренскаго по художествамъ, и почитаая высоко его добродѣтели, мы, художники, во время нашего собранія въ день тезоименитства Государя Императора, сложились поставить монументъ въ церкви, гдѣ былъ отпѣтъ и оплаканъ нами великій предтеча художниковъ русскихъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ всему просвѣщенному свѣту.

Какой холодъ, какой холодъ у насъ въ Римѣ! Вдали, на горахъ Сабинскихъ, лежитъ снѣгъ. Тепло безпрестанно, и ко мнѣ пришли грѣться разныя дѣвицы; онѣ всѣ вокругъ моей жаровни — представьте какой прекрасный группъ! Если вы видѣли «Форнарину» Рафаэля — да нѣтъ, вы ея не видали — вы не знаете, чтó значать итальянки! Описывать ихъ невозможно, это дочери чистаго неба.

Вы полагаете, что жалованье въ 6—8 тысячъ по смерти, получить красивый уголъ въ Академіи, — есть уже высокое блаженство для художника, а я думаю, что это есть совершенное его несчастіе. Художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда ничему не подчиненъ, независимость его должна быть безпредѣльна. Вѣчно въ наблюденіяхъ природы, вѣчно въ нѣдрахъ тихой умственной жизни, онъ долженъ набирать и извлекать новое, изъ всего собраннаго, изъ всего видѣннаго. Русскій художникъ непремѣнно долженъ быть въ частомъ путешествіи по Россіи, и почти никогда не быть въ Петербургѣ, какъ городѣ, не имѣющимъ ничего характеристическаго. Академія художествъ есть вещь прошедшаго столѣ-

тія, ее основали уставшіе изобрѣтать итальянцы. Они хотѣли этой мыслью воздвигнуть опять художество на степень высокую, но не создали ни одного генія о сию пору. Если живописецъ привелъ въ нѣкоторый восторгъ часть публики, расположенной понимать его, то вотъ уже онъ, по моему мнѣнію, достигъ всего, что доступно художнику. Купеческіе расчеты никогда не подвинуть впередъ художества, а въ шитомъ, высоко стоящемъ, воротникѣ тоже нельзя ничего сдѣлать, кромѣ стоять, вытянувшись.

ЛІІІ.

КЪ СЕСТРѢ ЕКАТЕРИНѢ.

(Римъ. 1837.)

Любезная сестра Екатерина Андреевна!

И вы въ восхищеніи отъ моей картины, это для меня неожиданной подарокъ. Ваши похвалы «Магдалинѣ» моей выкликаютъ меня помочь моей натурщицѣ, съ которой я работалъ голову и руки. Она такъ была добра, что, припоминая всѣ свои бѣды, и раздробляя на части передъ лицомъ своимъ лукъ самый крѣпкій, плакала, и въ ту же минуту я ее тѣшилъ и смѣшилъ такъ, что полные слезъ глаза ея съ улыбкой на устахъ, давали мнѣ совершенное понятіе о Магдалинѣ, увидавшей Иисуса. Я, однакожь, работалъ въ то время не хладнокровно, сердце мое билось сильно при видѣ прекрасной головы, улыбающейся сквозь слезы. Я думаю, и моя физіономія была необыкновенная. Модель моя, вскорѣ послѣ отправленія моей картины, имѣла несчастіе быть зараженной своимъ мужемъ, который принадлежить къ самымъ подлымъ людямъ въ Римѣ. Этотъ пьяница и гуляка какъ-то сталъ просить у ней денегъ, бѣдная женщина не знала что дѣлать, но наконецъ жестокіе побой вывели ее изъ терпѣнія, и римлянка схватила ножъ, возила два раза въ своего тирана, упавшій мужъ былъ

отнесенъ въ лазаретъ, гдѣ скоро ему подали помощь, а жена отведена въ тюрьму, гдѣ и теперь находится. При полученіи бумаги отъ Общества, я имѣю намѣреніе, въ знакъ признательности, ее оттуда высвободить, если это не будетъ мнѣ дорого стоить.

LIV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПОощрЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. 1837.)

Нѣсколько дней по полученіи бумаги вашей отъ генваря 1. я весьма простудился, слегъ и весьма безпокоился мыслью, что не въ силахъ былъ отвѣчать вамъ, выразить вамъ тотъ восторгъ, который чувствовалъ при прочтеніи бумаги, какъ отъ васъ, такъ и отъ президента Академіи. Ваше довольство моими трудами привело меня въ самое блаженное состояніе, какого я еще никогда не чувствовалъ: оно согрѣло, такъ сказать, остывающее желаніе продолжать съ должнымъ энтузіазмомъ труды мои, и я, благословя судьбу, положилъ себѣ за непрѣмное написать во что бы то ни стало большую мою картину—«Появленіе Мессіи». Намѣреніе чрезвычайное, какое я при вашемъ только покровительствѣ, и въ Римѣ только, могу исполнить, да и то, мнѣ кажется, всякій новый шагъ къ оному мнѣ страшенъ, встрѣчаю въ каждой фигурѣ, въ каждой головѣ, тысячу затрудненій. Мнѣ бы всего болѣе хотѣлось приблизиться въ пути къ Леонардо-да-Винчи. Вы знаете, какъ онъ труденъ и медленъ.

Изъ живущихъ, мнѣ полезенъ одинъ Овербекъ: одинъ онъ своими сочиненіями совершенно дотрогивается до сердца, безъ чего, чтó такое историческая живопись?

Результатъ труда моего непосредственно зависитъ отъ матеріальныхъ моихъ способовъ. Такъ какъ издержки мои, при всевозможной экономіи, будутъ выше двухъ-годичнаго содержанія, то я рѣшился взять въ то же время скопировать въ Ватиканѣ фрескъ Рафаэля, изображающій «Силу, Воздер-

жаніе, Благоразуміе»,—въ томъ смыслѣ, что между огромнымъ моимъ дѣломъ тутъ буду имѣть роздыхъ; копируя, приучусь еще болѣе видѣть красоты сего единственнаго мастера, и, наконецъ, приобщусь къ тѣмъ счастливымъ, которые, за подобныя копии получаютъ значительную сумму для подкрѣпленія будущихъ своихъ поприщъ на полѣ искусства, въ чемъ я весьма тоже буду нуждаться.

Знаю, что многіе скажутъ: да зачѣмъ начинать огромныя картины, куда ихъ дѣвать? Эти вопросы со временемъ уничтожатся.

Россія еще только процвѣтаетъ, художники почти еще ничего не произвели. Если я и сверстники мои не будемъ счастливы, то слѣдующее за нами поколѣніе пробьетъ себѣ непремѣнно столбовую дорогу къ славѣ русской, и потомки увидятъ, вмѣсто «Чуда больсенскаго», «Аттилы побѣждаемаго благословеніемъ папы»,—блестящія эпохи изъ всемірной и отечественной исторіи, исполненныя со всемі точностями антикварскими, столь нужными въ настоящемъ вѣкѣ.

~~~~~

LIV.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Отъ академика Императорской Академіи Художествъ и пенсионера Александра Иванова покорнѣйшее донесеніе.

Римъ, мая 10, 1837 г.

Не въ силахъ выразить почтеннѣйшему Обществу тѣхъ чувствъ, какия во мнѣ пробудили послѣднія два письма ваши. Тѣмъ болѣе не покушаюсь вамъ изобразить все мое довольство, что о сю пору не совершенно еще оправился отъ четырехмѣсячной лихорадки. Комитетъ представить себѣ не въ состояніи, сколько для меня чувствительна потеря цѣлой весны. Щедро ободренный вами, я было затѣвалъ многое, и о сю пору мучаюсь, не видя себя въ полныхъ силахъ для исполненія

всѣхъ моихъ намѣреній. Но что дѣлать! иногда и разстояніе отъ занятій полезно: оно даетъ чувствовать всю цѣну времени, и освѣжаетъ къ дѣлу. Я удвою силы во время полнаго здоровья.

Долгомъ считаю донести великодушному сословію, какъ я располагаюсь моими дѣлами. Картину мою «Появленіе Мессіи» я было подмалевалъ, имѣя фигуру въ третью часть роста человѣческаго: эту мѣру устроила мнѣ крайняя нужда, въ которой находился я до прибытія трудовъ моихъ въ Петербургъ; я не зналъ, каковыми благодѣтели мои найдутъ оныя. Теперь же, когда довольство ваше превзошло всѣ мои ожиданія, это устроенное сочиненіе служить мнѣ только эскизомъ, а для настоящей картины заказанъ холстъ, вышиною 8 аршинъ, а шириною десять съ половиною.

Сего лѣта, во время осушки холста, я намѣренъ сдѣлать большой этюдъ съ натуры для околичности моей картины, въ коей входитъ значительная часть деревьевъ; потомъ мнѣ бы нужно было съѣздить опять на сѣверъ Италіи—посмотрѣть на живописи XIV-го столѣтія, гдѣ съ теплою вѣрою выражались художники своими чувствами. Мое намѣреніе быть въ Ассизи и Орвіето, видѣть Джіотто, Іоанна да-Фіезоле, Гирландайо, Синьорелли, и другихъ, и наконецъ въ Ливорно, чтобъ замѣтить типы еврейскихъ благородныхъ головъ: здѣсь, въ Римѣ, евреи въ стѣсненномъ положеніи, и потому всѣ достаточные живутъ въ Ливорно. Представьте! въ продолженіе наблюденія цѣлаго года я могъ замѣтить только три головы изрядныя.— Все это я надѣюсь кончить въ два мѣсяца, и въ сентябрѣ начать большую картину.

Такъ какъ издержки, при возможной экономіи, превысятъ мои силы, то я въ тоже время рѣшился взять на себя трудъ скопировать въ Ватиканѣ съ фрески Рафаэля, подъ названіемъ: *Temperanza, Fortezza e Prudenza*—въ томъ смыслѣ, что между огромнымъ моимъ сочиненіемъ тутъ буду имѣть роздыхъ; копируя, еще болѣе приучусь видѣть красоты сего единственнаго мастера; наконецъ приобщусь къ тѣмъ счастливицамъ, которые за подобныя копіи получали довольно значительныя суммы для подкрѣпленія будущихъ своихъ прищъ на полѣ искусства, чего я не иначе могу ожидать, какъ

при посредствѣ высокихъ моихъ покровителей. Копію я постараюсь сдѣлать сколь можно вѣрнѣе, я весьма люблю это фреско, и давно желалъ сдѣлать съ него копію.

Въ разсужденіи присылки эскиза, я не знаю, что мнѣ дѣлать? Если прислать вамъ писанный масляными красками,— тотъ, что обѣщаль я, онъ ужъ мало похожъ на настоящее мое сочиненіе. Представить вашему усмотрѣнію едва отгнанный чертежъ съ устроеннаго сочиненія, вамъ, можетъ быть, покажется слишкомъ незначительно. Рѣшайте вы, почтеннѣйшее Общество, а я готовъ на все. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и такою-же преданностью...

(На этомъ письмѣ находится примѣчаніе карандашомъ, вѣроятно сдѣланное секретаремъ Общества:)

«Эскизъ необходимъ, тѣмъ болѣе, что величина картины слишкомъ огромна, и если дурно будетъ выполнена, то весьма затруднить въ присканіи ей мѣста. Хорошо изучаться надъ всеми школами, ибо каждая имѣетъ свое отдѣльное достоинство; но одни только нѣмцы, на посмѣшище итальянцевъ, потѣютъ надъ школами живописцевъ XIV столѣтія. Для сего не нужно ѣздить въ Италію, ибо въ Германіи есть Гольбейны Альберъ Дюреры и, проч. Эти все художники—начало, но не конецъ искусства; и тамъ, гдѣ есть Рафаэли, Корреджіи, Тиціаны, Гверчины и проч., не учатся надъ Джіотто. Вѣрно нашъ художникъ получилъ этотъ совѣтъ отъ Кукольника. Романтизмъ губить и литературу, и художество, и не худо бы было предостеречь молодаго художника».

~~~~~

LVI.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Конецъ 1837.)

Поздно отвѣчаю на вашу бумагу отъ 22 сентября. Она меня застала въ самомъ горячемъ положеніи, когда я только что зарисовалъ фигуры на огромномъ холстѣ; давъ волю моей фантазіи, я только теперь почувствовалъ усталость воо-

браженія, будучи прерванъ поданнымъ мнѣ крупнымъ счетомъ отъ краскотера и хозяина квартиры. Ощупавъ мою казну, расхищенную натурщиками, я почувствовалъ крайнюю нужду. Исправно сдѣлалъ вамъ рисунокъ съ моей картины, изъ котораго вы нѣкоторымъ образомъ можете усмотрѣть, на сколько у меня подвинута большая картина; она вся у меня также легко оттушевана однимъ тономъ.

Издержки, превышающія приходъ, приводятъ меня часто къ раскаянію, тѣмъ болѣе, что за копію въ Ватиканѣ, на плату коей я рассчитывалъ все будущее, мнѣ ограничили 3000 руб. Васъ, высокіе мои благодѣтели, не смѣю утруждать, но за всѣмъ тѣмъ я не вижу другого источника къ продолженію моего предпріятія, какъ ждать новыхъ вашихъ милостей.

LVII.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Осень 1838.)

Не въ силахъ довольно благодарить васъ за щедрую вашу милость, оказанную мнѣ въ послѣдней бумагѣ вашей отъ іюля. Вашимъ высокимъ подаркомъ обезпечивается мое пребываніе въ Римѣ. Я съ моей стороны постараюсь изыскать всевозможными моими мыслями способы, чтобы привести въ порядокъ картину, которая уже и теперь, если смѣю замѣтить, нравится высокимъ художникамъ, проживающимъ въ Римѣ. О, какъ дорого мнѣ настоящее время, какъ я ему радуюсь, каждая черта моя экзаменуется всѣми просвѣщеннѣйшими націями, въ лицахъ важнѣйшихъ ихъ художниковъ.

Все, куда достигнуть можетъ умъ мой, я готовъ принести къ улучшенію моего предмета. Прошедшій годъ я путешествовалъ въ Ассизи, Орвіето, во Флоренцію и Ливорно, и другія мѣста Тосканы, чтобы замѣтить у живописей XIV-го столѣтія этотъ безвозвратный стиль, въ который облекались теплыя мысли первыхъ художниковъ христіанскихъ, когда они, не зная свѣтскихъ угодностей и интригъ, руководимые чистой

вѣроу, высказали свою душу на безсмертныхъ стѣнахъ, въ альфреско и альтеперо. Я соглашалъ ихъ творчество съ натурой; въ ихъ типахъ, въ ихъ духѣ, искалъ головъ въ Ливорно, и такимъ образомъ набралъ себѣ портфель для начатія картины. Июль и августъ этого года я ѣздилъ въ окрестности Неаполя, и привезъ этюды горъ, составляющихъ окрестность моей картины; въ слѣдующее лѣто я думаю отправиться въ Миланъ и Венецію,—въ первый, чтобы постигнуть драгоцѣнные остатки Леонарда, а потомъ въ Венецію, чтобы приспособить въ моей картинѣ общую силу красокъ, ибо безъ красокъ одинъ только мiръ художниковъ можетъ оцѣнить картину, а я подъ конецъ долженъ буду ее представить моимъ соотечественникамъ, которымъ весьма нравятся краски.

Изъ всего этого вамъ теперь понятна необходимость исполненія картины моей въ Италіи, взятая не изъ каприза, не изъ пустаго тщеславія, чтобы дать вѣсь труду, присланному изъ Рима, но изъ непремѣнныхъ надобностей, изъ натуральныхъ причинъ, и потому вы можете себѣ представить, что когда приходитъ мнѣ на мысль судьба дальнѣйшаго ея производства и окончанія, то какъ я бываю печалень, что не вижу средствъ окончить ее.

LVIII.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

Отъ академика Александра Иванова покорнѣйшее отношеніе.

Римъ, 7 ноября 1838 г.

Съ живѣйшею радостью читалъ я бумагу высокихъ моихъ покровителей, отъ 3-го іюля текущаго года, гдѣ они удовлетворены были эскизомъ съ картины моей «Появленіе Мессіи». Такое мое довольство совершенно поощряетъ меня къ дальнѣйшему ея производству, тѣмъ болѣе, что почтеннѣйшее сословіе, столь милостиво жаловавшее меня восьмилѣтнимъ

содержаніемъ въ Римѣ, еще и теперь не устало въ своихъ щедротахъ. Оно подаркомъ своимъ еще годъ мнѣ обезпечиваетъ, и этотъ годъ я называю драгоцѣннымъ, въ сравненіи съ прошедшими, ибо результатъ моего здѣсь ученія можетъ быть приведенъ въ очевидный для всѣхъ порядокъ.

Изявляя совершенную благодарность и полное довольство высокимъ моимъ покровителямъ за милостивое ихъ жалованье, я въ тоже время, слѣдуя откровенности, съ которою они позволяли мнѣ выражаться еще инструкціей, не могу не замѣтить, что ихъ желаніе торопить меня этимъ огромнымъ трудомъ мнѣ кажется не совсѣмъ понятнымъ. Важный и совершенно новый предметъ моей картины меня самага сильно вынуждаетъ видѣть его скорѣй произведеннымъ, у меня не только каждый день, каждый часъ на отчетѣ, а дѣло идетъ медленно. Безпрестанно сравнивая себя со всѣмъ, что Римъ и Италія имѣютъ классическаго и высокаго, я всегда остаюсь въ какомъ-то заботливомъ недовольствѣ, иногда въ отчаяніи (хотя и отдыхаю на одобреніяхъ именитыхъ художниковъ живущихъ). Нѣтъ черты, которая бы не стоила мнѣ строгой обдуманности. Для окончанія такого труда я смѣю увѣрить, что нужно болѣе времени, чѣмъ предполагаютъ высокіе мои покровители. Гдѣ-жъ я найду способы къ его окончанію? Почт. Общ. мнѣ объявляетъ, что послѣдняя ихъ помощь есть окончательное отъ нихъ пособіе; собственныхъ денегъ у меня—чтобы полупѣшему дойти до дому. Я съ прискорбіемъ вижу 1840 годъ.

LIX.

КЪ О Т Ц У .

(Римъ. Январь 1839.)

Батюшка! письмо ваше отъ 29 октября было замедлено, сначала ожиданіемъ, а потомъ и прибытіемъ Его Императорскаго Высочества.—Все это время я былъ озабоченъ самымъ сильнымъ образомъ, а теперь, по отбытіи Государя Наслѣд-

ника, я опишу вамъ все подробно. Но прежде долженъ отвѣтить на письмо ваше:—Иисусъ Христосъ искушенный идетъ къ приготовленному крещеніемъ народу,—Иоаннъ Креститель, завидя его вдали, говоритъ: «Се Агнецъ Божій». Справьтесь, пожалуйста, въ евангеліи Іоанна во второй главѣ—и вы все поймете.

Бруни давно здѣсь. Мы его встрѣтили общимъ обѣдомъ. Онъ теперь въ уныніи. Образами его Государь остался не доволенъ, ихъ будто бы поправлялъ Брюлло, но правда ли это? пожалуйста—напишите.

Теперь рассказъ. (4) 16 декабря Наслѣдникъ вѣхалъ въ Римъ. Художники засуетились. Марковъ предложилъ поднести альбомъ новѣйшихъ рисунковъ каждаго изъ художниковъ русскихъ. Мысль была одобрена, я сейчасъ же приковалъ себя къ акварельному рисунку, который былъ почти въ аршинъ величины: онъ представлялъ Ave-Maria, или обыкновеніе римское собираться на улицѣ, въ часъ послѣ сумерекъ, у каждаго образа Богородицы, и хоромъ пѣть ей похвальные пѣсни. Сцена моя состояла изъ 26 фигуръ, по большей части дѣвицъ, съ возможнымъ удержаніемъ національныхъ мѣщанскихъ костюмовъ; посреди стоялъ старикъ—запѣвало, который получалъ за это жалованье отъ правительства, а около его мальчики, у него учащіеся. Въ околичности представлена крѣпость римская на Тибрѣ, вдали — Петръ, крѣпость Св. Ангела, или бывшій мавзолей Адриана, и часть съ большимъ новымъ театромъ Аполлона. Фигуры были освѣщены то свѣчами, то луной. Въ первый разъ я занялся акварелью, однакожь рисункомъ были совершенно все довольны. Дѣлали въ тотъ-же альбомъ и другіе: Рихтеръ, Моллеръ, Каневскій, Шуппе, Никитинъ, Дурново, Ефимовъ, Скотти, Пименовъ; прочіе это время провели въ спорахъ о мѣрѣ листовъ, о своихъ долгахъ, о скукѣ работать, и т. п. Наконецъ альбомъ поднесенъ въ новый годъ, и Наслѣдникъ благодарилъ художниковъ лично, въ церкви. Потомъ Государь Наслѣдникъ былъ въ мастерскихъ у Бруни, Габерцеттеля, у меня, Маркова и Моллера, а остальнымъ работамъ просилъ сдѣлать выставку. Кромѣ Дурново и Кузьмина все выставили. Наслѣдникъ былъ доволенъ. В. А. Жуковскій объявилъ, посредствомъ Бруни, что На-

слѣдникъ желаетъ сдѣлать разные заказы, но такъ-какъ Бруни, хотя и старшій у насъ, но совсѣмъ неспособный хлопотать и помнить всѣхъ, то это дѣло перешло къ Габерпетелю, — и этотъ ничего не сдѣлалъ. Жуковский потерялъ терпѣніе и просилъ меня покорнѣйше окончить это дѣло. Я принялся горячо за это, но ругательства и сплетни меня сопровождали со всѣхъ сторонъ; я не спалъ ночи и писалъ бумаги, снося отъ каждаго для того только, чтобы угодить В. А.; старался закрыть внутреннюю ссору сколько можно, прибавляя къ тому мою цѣну, и получалъ за это самыя подлые упреки.

Бумагу я представилъ, но послѣ внутренней нашей ссоры проломались въ кабинетъ къ Жуковскому. Однимъ словомъ, мы поставили себя у Жуковского въ самомъ дурномъ мнѣніи.

Изъ этой массы исключаются только Рихтеръ, Иорданъ и я. Все это кончилось утверженіемъ работъ каждому.

Прочитайте сейчасъ-же послѣднюю бумагу Общества ко мнѣ, помѣщенную въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ; тамъ, одолживши мнѣ 3,000 р., говорятъ, что это послѣдніе, и просятъ сколь можно поспѣшить, а такъ-какъ мнѣ нужны 4 года, а не одинъ, къ такому огромному дѣлу, то я и просилъ его высочество, чтобы онъ соблагволилъ пожаловать мнѣ трехлѣтнее содержаніе на окончаніе картины, съ тѣмъ, что она будетъ принадлежать Государю Наслѣднику, на чтѣ и воспослѣдовало высочайшее разрѣшеніе. Трудъ ужасный я отдаю даромъ, и отдаляю себя отъ личнаго съ вами свиданія еще на четыре года. Но я не могъ сдѣлать иначе. Приобрѣтеніе общей довѣренности въ искусствѣ заставляетъ меня жертвовать и интересомъ, столь необходимымъ въ мои лѣта, и скорѣйшимъ съ вами свиданіемъ, ибо трудъ мой не есть заказная работа русская, окончивающаяся довольствомъ русской Академіи Художествъ: картину мою будутъ судить европейскіе судьи, у которыхъ глазъ и разностороненъ, и вѣренъ.

Впрочемъ, все зависитъ отъ вашего согласія: захотите меня выкликнуть отсюда, оставлю все неоконченнымъ, и поѣду. Пусть продолжаютъ говорить, что собственно русскій не въ силахъ стать наравнѣ съ пришельцами, названными русскими по необходимости.

Пожалуйста, вы скажите Сережѣ, чтобы онъ непременно выбралъ одно изъ двухъ художествъ — живопись или архитектуру, и поступите съ нимъ въ семь случаевъ строго и силою, иначе мы пропали: ни тому, ни другому онъ не научится, будетъ въ обоихъ дряннымъ и—что хуже всего—не будетъ въ чужихъ краяхъ, а надобно непременно, чтобы смѣнили меня здѣсь, и именно такъ, чтобы въ Римѣ мы вмѣстѣ могли прожить цѣлый годъ: я его со всѣмъ познакомлю и дамъ порядочное направленіе, какъ себя вести. Пожалуйста, будьте внимательнѣе въ семь случаевъ. Изъ его письма я вижу вашу совершенную о немъ безпечность, — грустно и больно; я очень, очень беспокоюсь. Скажите ему, чтобы онъ ко мнѣ писалъ, несмотря на то, что я ему въ сей разъ не отвѣчаю.

~~~~~  
LX.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Январь 1839.)

Батюшка!

Я не ошибся, я предчувствовалъ, что письмо ваше будетъ имѣть что-нибудь непріятное. Отказъ президента выставить ваши картины сильно на васъ дѣйствуетъ, а ваше положеніе сильно меня трогаетъ. Я, впрочемъ, всегда думалъ, что вамъ никакъ не должно было входить въ конкурсъ демидовскій (вовсе не нравящійся президенту), а особливо съ сюжетомъ аллегорическимъ, и въ естественную величину <sup>1)</sup>). Но и сынъ вашъ Александръ, преданный и возможно вѣрный вашъ совѣтникъ, не могъ васъ въ томъ убѣдить, — видно, такъ судьбѣ было угодно. Если красоты историческихъ картинъ

<sup>1)</sup> Еще въ ноябрѣ 1836 г., А. Н. Демидовъ предложилъ Академіи Художествъ объявить между русскими художниками конкурсъ на соисканіе назначенныхъ имъ премій за картины съ изображеніемъ Петра Великаго, какъ преобразователя Россіи. Но конкурсъ этотъ могъ осуществиться лишь въ декабрѣ 1838 г. Всѣхъ картинъ было представлено семь.

совѣтъ не готова понимать публика русская, что оказываетъся холоднымъ требованіемъ однихъ портретовъ, какъ вы хотите, чтобы она еще знала аллегорическіе сюжеты? Предметъ аллегорическій, гдѣ входитъ императорская особа, не только не понятенъ для публики нашей, но еще и опасенъ для самого художника. Злой невѣжда, а ихъ у насъ нѣтъ счета, истолкуеть самую невинную мысль художника сатирою, и вотъ, ни въ чемъ неповинный безмолвно погибаетъ. Вспомните историческіе барельефы въ моей картинѣ «Іосифъ»—это дѣло мнѣ чуть ссылки не стоило!! А всякая аллегорія еще болѣе подвержена своевольнымъ истолкованіямъ. Если я еще вашъ совѣтникъ, если вы вѣрите, что много видящій, много наблюдающій и живущій въ конкуресѣ съ просвѣщеннѣйшими націями Европы, сынъ вашъ, можетъ что-нибудь вамъ сказать, то я просилъ бы васъ всепокорнѣйше никакихъ не дѣлать аллегорическихъ сюжетовъ, и не писать большихъ картинъ безъ заказовъ. Вы, кажется, очень довольны Венеціанова картиной «Большая принимаетъ св. Тайны», и очень справедливо: талантъ Венеціанова заслуживаетъ замѣчанія, онъ умѣетъ сойтись съ людьми, съ которыми живетъ. Я увѣренъ, что картина его не на заказъ писана, но куплена очень скоро и очень хорошо. Но Венеціановъ не имѣлъ счастья развиться въ юности, пройти школу, имѣть понятіе о благородномъ и возвышенномъ, и потому онъ не можетъ вызвать изъ прошлыхъ столѣтій важную сцену на свой холстъ. Какъ бы вамъ хорошо заняться этимъ! Если у васъ будетъ время между заказами, то, право бы, не худо было, въ небольшомъ видѣ, написать что-нибудь изъ нашей исторіи. Слышу ваше возраженіе: кто дастъ мнѣ антикварныя свѣдѣнія,—притязанія, которыя нашими знатоками спрашиваются прежде размотра идеи, прежде выраженій?

Вѣрю и молчу.

Вы все говорите: «картины ваши», стало быть ихъ болѣе одной?

Леонардо-да-Винчи написалъ «Вечерю тайную» въ столовой монаховъ *al fresco*, на средней стѣнѣ, и не какъ образъ.

Я никакъ не согласенъ съ вами, чтобы, копируя съ Рафаэля, можно было что-нибудь къ нему прибавить: обезси-

ленные временемъ мѣста въ его фрескахъ несравненно прекраснѣ нашихъ ухищренныхъ раскрашиваній,—копія должна быть копіей. Копія Брюлло есть самая лучшая, не только у насъ, но и гдѣ бы то ни было. Оригиналъ Бруни написанъ сильнѣе и бойчѣе, фреско болѣе сохранено, вотъ почему и у Бруни копія имѣетъ болѣе силы. Новъ «Эліодоръ» Рафаэль былъ уже вспомооществуемъ своими учениками, а «Пожаръ», можно сказать, былъ написанъ подѣ его вѣдѣніемъ, и только фигура женщины слиной, идущей съ кувшиномъ, что на правой сторонѣ, признается за его работу, а прочее развѣ кой-гдѣ тронуту имъ самимъ. Вотъ почему и Маркова копія кажется блѣдною, недостаточною въ сравненіи съ Брюловой и Бруни. «Пожаръ», «Петръ, выводимый изъ темницы», суть вещи, прикладныя къ лучшимъ произведеніямъ Рафаэля. Живаго копію я не видалъ. Оригиналъ—вещь удивительная послѣ всего удивительнаго. Слышалъ, однакожъ, отъ многихъ, что копія его весьма рѣзко написана, чего у Гвидо нѣтъ. Неудачный выборъ Серебрякова—скопировать съ самаго неудачнаго произведенія Гверчино, кажется, не имѣлъ и у васъ счастливаго успѣха, не смотря на то, что Академіи нашей нравится болонская школа, что Шебуевъ часто въ Гверчины запрашивался въ своихъ произведеніяхъ.

Собственное сочиненіе Маркова: «Русскіе сироты на могилѣ родителей», полагаю, чувствительно убавило объ немъ мнѣніе Академіи. Живагиныхъ сочиненій я не видалъ, но люди понимающіе и безпристрастные мнѣ говорили, что копирующій довольно изрядно можетъ быть совершенно не способенъ произвести что-нибудь свое.

Марковъ намѣревается начать огромную картину, предметъ ея—«Мученіе св. Евстафія съ семействомъ»: сцена въ Колизеѣ, и именно та минута, когда, въ присутствіи императора и народа, выпущенные львы отстранились отъ святого, и нѣкоторые бьются съ гладиаторами,—сюжетъ, какъ я думаю, данъ ему Жуковскимъ. Онъ ожидаетъ помощи отъ Академіи на производство этого труда. Посмотримъ, дадутъ ли? Я думаю, что отвѣта ему не будетъ, какъ у насъ обыкновенно дѣлають въ подобныхъ случаяхъ, и онъ уснетъ, ожидая.

Жаль, что вы ничего не можете сказать мнѣ о картинѣ Брюлло. Каково, по крайней мѣрѣ, его «Распятіе» въ лютеранской церкви? Вы вѣрно его видѣли?

Сдѣлайте милость, будьте спокойны на счетъ моихъ денежныхъ положеній: если я и писалъ объ этомъ, то для того, чтобы съ вами разговаривать, а отнюдь не просить у васъ денегъ. Я уже какъ-то говорилъ вамъ въ письмахъ, что ни въ какомъ случаѣ я у васъ не буду просить ни одной копѣйки. Меня одно только беспокоитъ—ваше нуждающееся положеніе, которому я, при настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, никакъ помочь не въ состояніи. Племянникъ-то вашъ на чей счетъ будетъ учиться? Пожалуйста, вы не раззоряйтесь: люди неблагодарны.

Я надѣюсь, что у брата Сергѣя будетъ столько благоразумія, чтобы преодолѣть всѣ случающіяся обиды и непріятности на пути своего ученія. Онъ, кажется, у насъ весьма не глупъ, такъ, по крайней мѣрѣ, видѣлъ я его десять лѣтъ тому назадъ. Сдѣлайте милость, не замедлите отвѣтомъ на это письмо, опишите мнѣ всѣ новости въ Академіи.

~~~~~

LXI.

КЪ О Т Ц У.

(Римъ. Начало 1839.)

Батюшка! Крайне сожалѣю, что васъ весьма обезпокоили пустые слухи о моей кончинѣ. Это уже не въ первый разъ съ вами случается, и тѣмъ болѣе для меня непонятно, какъ можно слушать вздорные толки пустыхъ людей! Неудача конкурса Демидова на васъ сильно подѣйствовала, я это почувствовалъ, и не въ силахъ былъ васъ отговорить отъ такого предпріятія.

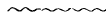
Мы всѣ представлялись Наслѣднику безъ бородъ и усовъ, и во все время его здѣсь пребыванія жили по-петербургски. Дѣлали визиты то тому, то другому, принимали къ себѣ въ мастерскія князей и графовъ съ фамиліями; втолковывали

имъ итоги нашего здѣсь пребыванія, и наконецъ рады, рады были, что все это разѣхалось, оставя намъ, вмѣсто бритвы, щетокъ и фрака,—кисти и палитру, и, одѣвшись въ полуразбойничье платье, я подмалевалъ всю мою большую картину, и весьма ею доволенъ.

Пенсіонеръ Демидова, Дмитріевъ, дѣйствительно женился съ переменною вѣрой, за что и лишень всѣхъ милостей Демидова. Этотъ человѣкъ, какъ я вамъ уже и говорилъ, ничего не имѣеть и ничего не умѣеть.

Замѣчательно, что всѣ мы, художники, опять помирились, кромѣ двухъ Никитиныхъ. Они стараются уѣхать отъ насъ врагами. Къ сентябрю мѣсяцу придутъ къ вамъ два архитектора: Ефимовъ и Кузьминъ.

Братъ Сережа! Ну, я радъ, что ты наконецъ выбралъ одно изъ двухъ художествъ. Я объ тебѣ слышалъ довольно хорошаго отъ Бруни, Козлова и Ломтева, но это все ни почемъ. Я тогда только увѣрюсь въ успѣхахъ твоихъ, когда пріѣдешь въ Римъ на казенный счетъ.

LXII.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Мартъ 1839.)

Два письма, полученныя отъ почтеннѣйшаго Общества, снова увѣряютъ меня въ новой готовности заботиться обо мнѣ. Въ первомъ, отъ 16 декабря 1838, они предлагаютъ мнѣ сдѣлать двѣ, три или четыре картины, а въ другомъ, отъ 10 февраля 1839, спрашиваютъ они: намѣренъ-ли я оставаться въ Италіи, или уже располагаю возвратиться въ Россію, чтобы впослѣдствіи назначить, куда именно препроводить ими обѣщанныя деньги? Я просилъ (бы) покорнѣйше позволенія отъ высокихъ покровителей моихъ замѣтить, что обыкновенное содержаніе пенсіонерское весьма становится ограниченнымъ при производствѣ таковаго предмета, каковымъ я занимаюсь, ибо, при всей экономіи, расходы превышаютъ часто

приходь, но если, въ тѣсномъ семь положеніи, еще перебить напряженное вниманіе для настоящаго моего труда чѣмъ-либо постороннимъ, то это—тоже, что нанести ему смертельный ударъ. Это я уже испыталъ изъ малаго опыта, представившагося на январь 1839. Художникъ, начиная предметъ свой, совершенно ему отдается, живетъ внутри его, и по окончаніи его еще ему трудно вдругъ перейти на новую, или прежде бывшую идею. Такое разстояніе бываетъ иногда и полугодовымъ: это разстояніе зависитъ отъ внѣшности прошедшей и настоящей идеи. Изъ этого вы можете видѣть, что какъ ни лестно мнѣ было-бы трудиться для лоттереи, но сего исполнить совершенно не въ состояніи. Что же касается до оставленія Италіи и возвращенія моего въ отечество, то я прежде желалъ-бы совершенно всѣ способы истощить на исполненіе моей большой картины и — потомъ уже возвратиться на родину. Въ Италіи только можно кончить мой начатый трудъ, по совѣсти и возможному совершенству, — здѣсь къ нему всѣ удобства. Въ этомъ, я думаю, и почтеннѣйшее сословіе благодѣтелей моихъ согласится.

Прошедшее лѣто я ѣздилъ въ Неаполь: задуманный мотивъ околичностей меня туда завлекъ. Этимъ лѣтомъ я отправлюсь въ Ассизи, чтобы болѣе углубиться въ религіозный духъ живописей XIV-го вѣка, и потомъ отправлюсь въ Венецію, дабы разгадать общій тонъ картины, трудность котораго состоитъ въ томъ, чтобы картинѣ дать силу, но чтобы не сдѣлать ее веселою, цвѣтною, а, напротивъ, серьезною и важною. Трудностей на каждомъ шагу бездна, онѣ требуютъ тройнаго вниманія, не перебитаго никакими препятствіями.

Считаю обязанностью доложить, что картина моя подмалевана, что все на ней гораздо лучше прежнихъ этюдовъ и эскизовъ, что люди понимающіе настоящимъ видомъ картины довольны. Многіе изъ нихъ возвратились въ Петербургъ, они подтвердятъ мои слова при вашемъ о томъ вопросѣ.

LXIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Мартъ 1839.)

Батюшка! Весьма сожалѣю, что вы не имѣете заказной работы. О поступкѣ Брюлло съ женой я уже слышалъ; я не думаю однакожь, чтобы онъ прїѣхалъ въ Римъ. Чтò ему здѣсь дѣлать? Онъ слишкомъ упился почестями, ему уже Римъ совсѣмъ теперь не понравится. Въ Общество я уже написалъ отвѣтъ на ихъ письма. Весьма любопытно знать, какъ объяснилъ имъ В. А. Жуковскій мое положеніе: В. А. общалъ мнѣ ихъ убѣдить дать мнѣ помощь денежную, на окончаніе большой моей картины, ибо весьма понятно, что для такого труда нужно болѣе трехъ тысячъ въ годъ. Посмотримъ, что будетъ. Если В. А. успѣетъ, то я себѣ сошью новый сюртукъ, фракъ и шляпу, въ ожиданіи чегò хожу въ заплатахъ. При Штакеншнейдерѣ картина моя была легко оттушевана однимъ тономъ, а теперь она подмалевана. Попробуйте попросить у Григоровича эскизъ мой; но не думаю, чтобы онъ согласился совсѣмъ вамъ его отдать. О сию пору значительныя перемѣны послѣдовали только въ околичности, и именно въ дальностяхъ: вмѣсто городскихъ стѣнъ, теперь дальнія горы близятся сюда равнинами, а во второмъ планѣ кроются обильными оливами; все это подернуто утреннимъ испареніемъ земли, и сими-то воздушными тонами гораздо болѣе и спокойнѣе дѣлится Христось. Да и кромѣ того, картина получила сильную глубину въ преспективѣ. На сихъ дняхъ думаю попросить къ себѣ Овербека, этого высочайшаго и единственнаго моего судью и совѣтника. Что-то онъ скажетъ? Вѣрнѣе, что онъ будетъ весьма недоволенъ, трепещу заранѣе. Вы, утѣшая меня, говорите, что это не послѣдній трудъ мой, а я скажу, что это послѣдній, потому что съ нимъ я явлюсь въ Петербургъ, гдѣ дюжинные иконостасы и портреты превратятъ меня въ кушца. Ахъ, только въ Римѣ и поработать! Третьяго дня приснилось, будто-бы, по необходимости, собираюсь въ Петербургъ: лихорадка, плачь,

и, какъ будто, даже отсутствіе ума меня совершенно обхватили. Но нѣтъ, нѣтъ! это сонъ, забудемте о немъ. Радость видѣть родительскій домъ, служить отечеству—убѣдительныя причины, но оставить прелестную столицу изящныхъ искусствъ!..

Обществу я совершенно отказалъ написать для ихъ лотереи, но копію я, можетъ быть, начну.

Очень радъ успѣхамъ брата въ рисованіи, тѣмъ болѣе, что онъ скидываетъ съ себя привычку не копировать натуру. Въ натурномъ классѣ непременно надобно копировать натуру, но не въ каррикатурномъ, а въ возможно благородномъ видѣ, ловить въ ней лучшее. Поправлять-же ее по антикамъ—сопряжено съ большою опасностью нажать принятую манеру, особливо для начинающаго только. Я бы совѣтовалъ брату всѣ просто недѣльные рисунки дѣлать въ гипсовомъ классѣ.

~~~~~

LXIV.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1839.)

Батюшка!

Наша переписка сдѣлалась съ нѣкотораго времени безпорядочною, вслѣдствіе чего я теперь отвѣчаю вамъ на два письма вдругъ. Я бы желалъ, однакожь, чтобы передача извѣстій приняла прежній свой порядокъ: это лучшее для обоюднаго спокойствія.

Вы спрашиваете, какого мнѣнія объ моей картинѣ Бруни—какъ-же это я могу сказать? Мнѣніе соперника никогда не принимается. Овербекъ моей картиной доволенъ, кромѣ нѣкоторыхъ фигуръ, напимѣръ: сидящимъ на первомъ планѣ, богатымъ человѣкомъ, и рабомъ, развертывающимъ для него платье. Онъ говоритъ, что эти двѣ фигуры не ясныя мою мысль, нельзя угадать ее, смотря на нихъ. На сей конецъ съ нынѣшняго лѣта я отправляюсь къ берегамъ рѣкъ, ви-

дѣтъ купающихся различнаго званія людей, и, можетъ быть, извлеку что-нибудь, къ большому поясненію задуманной мысли.

Между прочимъ, долженъ вамъ признаться, что весьма лѣниво подвигается у меня для васъ рисунокъ съ картины моей: копировать такъ часто съ своего—убійственно. Я пробовалъ дать дѣло одному молодому человѣку, занимающемуся у меня кой-чѣмъ, но вышла гадость. Надобно признаться вамъ, что у меня о сю пору сдѣлано ансамблей для фигуръ, входящихъ въ мое сочиненіе,—105; писанныхъ головъ съ натуры, близкихъ и воображаемыхъ, въ моей картинѣ—20, рисованныхъ—40, писанныхъ фигуръ голыхъ—6. Съ манекеновъ въ драпировкахъ, писанныхъ—8, рисованныхъ прямо съ натуры—35. Эскизовъ, писанныхъ въ довольно большомъ видѣ,—5. Рисованныхъ, тоже въ немаломъ,—5. Не считая того, что послано въ Общество, ландшафтовъ съ натуры, относящихся сколько-нибудь къ задуманному моменту,—18. Итого 223 (?) этюда, не считая головъ съ Рафаэлева «Преображенія», съ Тиціанова «С. Пиетро Мартире» и другихъ безъ счету этюдовъ, сдѣланныхъ во Флоренціи, Ассизи, Венеціи, болѣе или менѣе относящихся къ моей картинѣ. Если можно взять отъ Григоровича и скопировать тамъ рисунокъ, или поручить это дѣло брату, то избавили бы меня отъ мѣсячнаго труда. Перемѣны о сю пору чувствительны только въ околичности, а въ фигурахъ онѣ только бываютъ въ деталяхъ. Я, впрочемъ, не упущу изъ виду нарисовать вамъ мои переѣны по частямъ, но это нужно будетъ сдѣлать красками, а иначе какъ же вы замѣтите дальніе планы околичностей?

Вотъ въ бумагѣ, данной мнѣ В. А. Жуковскимъ, сказано такъ: что я получаю по три тысячи рублей въ годъ, что составить сумму девять тысячъ, которыя и должны быть средствомъ къ окончанію моей картины, послѣ чего картина сдѣлается собственностью Государя Наслѣдника. Условія самыя отчаянныя! Изъ сего, однакожъ, вы можете усмотрѣть, что у меня теперь на сей случай останется 6 тысячъ, ибо первыя три тысячи за 1839 годъ уже издержаны.

Сестрѣ Катеринѣ Андреевнѣ посылаю маленькую приписочку въ письмѣ къ Лапченкѣ. Но сестра, кажется, не хочетъ подобнаго случая, и это потому, что не понимаетъ меня.

Вотъ уже полгода, какъ получаемъ въ кафе-Греко только повѣстку на полученіе письма изъ Россіи, за которую платится пять копѣекъ, и къ коей мы должны присоединять паспортъ каждаго, и за роспискою нашею выдаются намъ письма—это обходится дороже прежняго. Предыдущее ваше письмо стоило вдвое послѣдняго, ибо послѣднее было въ конвертѣ и съ приставленною бумажкою отъ брата, т.-е. я заплатилъ за него около пяти франковъ.

О положеніи академическомъ вы меня, конечно, не оставите увѣдомлять. Жуковский отправился съ Наслѣдникомъ къ его невѣстѣ. Жаль, что Василій Андревичъ не далъ письменно приказанія Кривцову о выдачѣ мнѣ денегъ при началѣ каждаго года, почему теперь и остановилась она, и, прежде таковой бумаги отъ него, мнѣ денегъ не будетъ отъ Кривцова. Впрочемъ, уже цѣлый мѣсяцъ, какъ бумага послана объ этомъ Жуковскому. А Кривцовъ вскорѣ отправляется въ Петербургъ, для помощи въ сдачѣ мраморовъ во дворецъ.

Плачь вашъ меня весьма раздражаетъ. Я давно уже ненавижу Петербургъ, съ его Академіей Художествъ. Счастливию буду, если обработаю мои дѣла такъ, чтобы никогда не видѣть сей столицы. Я совершенно увѣренъ, что самое лучшее мое положеніе есть теперь, а что по возвращеніи въ отечество я буду мученикомъ.

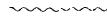
Сдѣлайте милость, отвѣчайте мнѣ тотчасъ на это письмо, не заставляйте задумываться о вашемъ здоровьѣ. Я надѣюсь, что въ семь отвѣтѣ уже я увижу исполненіе новаго устава Академіи. Не забудьте также сказать, если кто чѣмъ занимается значительнымъ. Правда-ли, что Маркова копіею Государь весьма недоволенъ, но желаетъ, чтобы онъ началъ свою большую картину?

Любезный братъ.

Ты скоро окончилъ мою картину, а я даже не могу предположить, когда это можетъ быть. Способы мнѣ продлятся еще на два года, но это не значитъ, что черезъ два года она будетъ непременно кончена. Написать подобную вещь столько же трудно, какъ выстроить Исакиевскій соборъ, или взять Хиву. Я очень радуюсь, что ты успѣваешь въ своихъ

дѣлахъ, это должно быть также пріятно и родителямъ нашимъ.

Феодоръ Антоновичъ Бруни, кажется, совсѣмъ не умѣеть держать молодыхъ людей, и здѣсь его ученики ничего не дѣлаютъ, только ты, пожалуйста, этого никому не говори.

LXV.

КЪ О Т Ц У.

(Римъ. Осень 1839.)

Теперь только я увѣрился въ справедливости вашего безпокойства обо мнѣ по случаю остановки въ перепискѣ. Я страдаю и не знаю, что думать: уже третій мѣсяць какъ жду писемъ, каждую почту хожу въ кафе-Греко, и нѣтъ тамъ ничего для меня! Съ вашей стороны непростительно такое замедленіе. Я одинъ, и ежели я занятъ чрезвычайно, какъ то было во время пребыванія Государя Наслѣдника въ Римѣ, то, право, совершенно времени не находилось, чтобы успокоиться, опомниться.

Но у васъ есть братъ мой Сергѣй, который уже не ребенокъ, можетъ понимать, что безъизвѣстіе о родителяхъ и о немъ самомъ можетъ быть для меня жестоко и—что еще хуже—остановить весь ходъ моихъ занятій.

Путешествіе мое въ Венецію было безъ несчастій и непріятностей, но о результатѣ не буду говорить теперь, ибо его надобно показатъ въ дѣлѣ. Уже мѣсяць, какъ я въ Римѣ. Принялся за картину: думаю, дѣлаю, слѣшу, и не тороплюсь. Но не могу себя увѣрить о счастливомъ ея окончаніи, хотя лучшіе художники Рима и довольны настоящимъ ея положеніемъ.

Въ отвѣтъ на будущее ваше письмо, я надѣюсь приложить черновыя перемѣны, какія сдѣлалъ въ моей картинѣ.

Бога ради, не медлите отвѣтами.

Вотъ письмо, полученное мною отъ Общества.

LXVI.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Июль 1840.)

Письмо ваше отъ іюня 25 весьма меня и всѣхъ вашихъ знакомыхъ радовало: мы видѣли, что вы насъ совсѣмъ не забываете. По вашей просьбѣ, пишу вамъ тотчасъ отвѣтъ. Ваше письмо едва застанетъ меня въ Римѣ: я черезъ три дня отсюда уѣду шататься по Италіи, и, можетъ быть, даже и съ вами гдѣ-нибудь встрѣчусь, что было бы для меня весьма пріятно. Я располагаю отправиться, во-первыхъ, въ Перуджію, для наблюденія купающихся въ Тибрѣ лучшаго класса людей, ибо въ Римѣ купальни устроены въ видѣ кабинетовъ, гдѣ ни щелки не оставляется для глаза наблюдательнаго. Это все клонится къ перемѣнѣ или къ улучшенію первопланнаго срединнаго группа въ моей картинѣ. Перваго августа надѣюсь быть въ Мизѣ, видѣть праздникъ отпущенія грѣховъ, съ надеждою почерпнуть что-нибудь для моихъ фізіономій въ семъ религіозномъ торжествѣ. А втораго или третьяго отправляюсь въ Синигалью, на знаменитую ярмарку, присмотрѣться къ азіатскимъ чертамъ лицъ.

Пробывъ тамъ два или три дня, отправлюсь во Флоренцію, для скопированія нѣкоторыхъ этюдовъ въ галереѣ Питти. Тутъ пройдутъ двѣ недѣли, послѣ чего намѣренъ странствовать въ горахъ около Рима, чтобы къ осени привезти этюды для первопланнхъ каменевъ рѣки. Вотъ планъ моего путешествія. Могу сказать, что все время разлуки нашей я довольно прилежно занимался, но картина подвигается все-таки тихо. Довольно часто мнѣ приходитъ въ мысль, что затаѣнный трудъ мнѣ не по силамъ.

Моллеръ вамъ кланяется, извиняется, что самъ не писать, ибо очень занятъ. Ему хочется кончить передъ отъѣздомъ въ Неаполь свою «Русалку.» Онъ на васъ сердится за то, что вы самое лучшее мнѣніе дали въ Петербургѣ объ его начатой «Русалкѣ», которую онъ передъ симъ извѣстіемъ собирался изорвать и бросить. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, передъ тѣмъ,

чтобы приняться ее оканчивать, былъ очень встревоженъ и всегда упрекалъ васъ. Его эту картину вы не узнаете: она въ самомъ дѣлѣ будетъ такая, какъ вы объ ней думали. Горданъ вамъ свидѣтельствуеетъ свое почтеніе. Сундукъ вашъ какъ былъ. О сю пору на ваше имя получилъ я только два письма: одно давно изъ Рима, а другое, мѣсяць назадъ, кажется, изъ Парижа. Если вы приѣдете въ Римъ прежде меня, то Шаповаловъ ¹⁾ сведетъ васъ въ мою студию, и тамъ вы ихъ увидите. Этотъ годъ въ Римѣ для меня былъ довольно важнымъ: я видѣлъ выставленную въ студии Овербека его большую картину, а въ студии Энгра—его картину.

Прощайте, увидимся и поговоримъ объ остальномъ.

LXVII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Июль 1840.)

Батюшка!

Послѣднее письмо ваше, отъ 16 мая, есть одно изъ самыхъ рѣдкихъ, ибо не заключаетъ въ себѣ ничего непріятнаго. Радовался я, его читая, тѣмъ болѣе, что любезный братъ, при успѣхахъ своихъ въ искусствѣ, имѣлъ терпѣніе написать мнѣ гораздо болѣе обыкновеннаго.

Радуюсь, что братъ мой, оставя манерность, достигъ наконецъ до второй и первой серебряной медали. Желательно бы (было), чтобы эту дорогу онъ не оставлялъ. Его лѣта и его знанія еще не въ состояніи чувствовать идеала, а особливо въ натурномъ классѣ, гдѣ самое вѣрнѣйшее дѣло—копировать съ природы, съ путными къ тому знаніями анатоміи. Такимъ образомъ глазъ его оставаться будетъ въ невинности до тѣхъ поръ, пока лѣта и практика не разовьютъ его природныя чувства. Желательно бы (было), однакожь, чтобы его недѣльные рисунки всегда бы были съ гипсовыхъ фигуръ.

Вы, кажется, очень беспокоитесь на счетъ безконечности моей настоящей картины? Но что дѣлать?—силы мои слиш-

¹⁾ Живописецъ.

комъ малы въ сравненіи съ намѣреніемъ. Заставить согласиться иностранцевъ, что русскіе живописцы не хуже ихъ,— дѣло весьма мудреное, ибо всѣ озлоблены на русскихъ, по случаю политики; всѣ ищутъ въ насъ пятенъ, рады всякимъ рассказамъ и унижаютъ всякое въ насъ достоинство. Слѣдовательно, художественная вещь должна быть втрое лучше ихъ произведеній, чтобы только принудить ихъ уравнивать со своими! Въ случаѣ неудачи довести до такого превосходства предметъ мой, я утѣшусь тѣмъ, что, на семь экзаменѣ потерявъ премію, я совершенно стою быть закабаленнымъ подъ команду архитекторовъ нашихъ, писать иконостасы,—единственное требованіе русскихъ частныхъ людей, что исполнять, въ случаѣ вышеупомянутаго выигрыша, было бы нестерпимо обидно. Изъ сего вы можете замѣтить, что петербургскую выставку академическую я совсѣмъ и не думаю брать въ уваженіе. Къ тому времени Бруни вамъ привезетъ свою конченную картину, по крайней мѣрѣ онъ такъ надѣялся.

Описаніе о русскихъ художникахъ въ Римѣ интересно ¹⁾: изъ него можно видѣть степень образованія нашихъ журналистовъ. Тонъ кулачный, хвастливый, бездушный, необразованный. Еслибы эту статью перевести въ иностранную газету, то она заставила бы краснѣть каждого изъ насъ, а между тѣмъ насъ хвалятъ. Я не знаю даже, не лучше ли бы было, еслибы объ насъ совсѣмъ не писать въ газетѣ, чѣмъ писать такимъ антипатичнымъ, невѣрнымъ, безосновательнымъ тономъ. Скажите, что тамъ еще сказано о другихъ, напр. о Горданѣ. О Шампинѣ тамъ потому не упоминается, что онъ не предпринималъ ничего значительнаго. Завьяловъ его умнѣе: мѣрою холста онъ заинтересовалъ ихъ.

Матушкѣ мое почтеніе.

Любезный братъ Сережа.

Благодарю тебя за терпѣніе писать ко мнѣ, ты не повѣришь, какъ мнѣ интересны здѣсь эти разнородныя новости, а особливо твои успѣхи. Дай Богъ тебѣ здоровья и твердо-

¹⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, о статейкѣ, помѣщенной въ „Художественной Газетѣ“ 1840 г., № 6, стр. 12—15.

сти переносить обиды, необходимо встрѣчающіяся на пути къ наградамъ. При всемъ томъ, не забывай языковъ: нѣмецкаго и французскаго.

Послѣ-завтра я отправляюсь изъ Рима, искать камень-евъ и воды для моей картины, наблюдать купающихся для первопланной средней группы, которую, какъ я вамъ сказывалъ, улучшить мнѣ совѣтовалъ Овербекъ. Возвращусь въ Римъ въ концѣ августа, но вы отвѣтомъ не медлите на сіе письмо: мнѣ его перешлетъ одинъ изъ моихъ пріятелей, которому я на эти мѣсяцы въ году поручаю мою квартиру и дѣла.

Если вамъ нечѣмъ будетъ замѣстить слѣдующаго письма ко мнѣ, то я бы просилъ васъ сказать мнѣ вапе мнѣніе на картину «Послѣдній день Помпей»: объ ней вы никогда мнѣ ничего не говорили.

На этихъ дняхъ у насъ въ Римѣ выставленъ былъ четырнадцати-лѣтній трудъ Овербека, — большая его картина, представляющая «Торжество христіанской религіи въ изящныхъ искусствахъ», написанная для конференцъ-залы франкфуртской академіи художествъ. Счастливымъ я считаю себя, что находился въ Римѣ въ такое важное эпохическое время для живописцевъ новѣйшихъ. Эта картина, которую съ такимъ нетерпѣніемъ всѣ желали увидѣть, раздѣлила наконецъ на двѣ партіи всѣхъ художниковъ въ Римѣ.

Историческіе живописцы новаго поколѣнія, полагающіе религіозность, невинность, чистоту стили, и вѣрное изображеніе чувства въ самыя высокія и первыя достоинства живописца, въ тихомъ созерцаніи важнѣйшаго труда общаго ихъ профессора, остались еще болѣе увѣренными въ его наставленіяхъ. Но поклонники замашистой кисти, копирователи живаго мяса человѣческаго, театральные композиторы и похабно-кислые мыслители, ругаютъ канальей святаго живописца. Къ первому сословію изъ русскихъ принадлежу одинъ я, и за это названъ ими лицемѣромъ. Но какъ ни страшны эти злобы, а я предвижу, что имъ придется проиграть. Все лучшее поколѣніе нѣмецкихъ и французскихъ историческихъ художниковъ непремѣнно желаетъ очищенности стили и возможнаго обращенія ко всему изящному, нѣжному и невинному.

Русскіе слишкомъ малочисленны, неизвѣстны, чтобы имѣть голосъ. Бруни и Завьяловъ рѣзко ругаютъ Овербека: первый потому, что въ самомъ дѣлѣ совершенно противоположенъ ему въ чувствахъ, и видитъ въ немъ самаго важнѣйшаго своего соперника на первенство, а второй—по системѣ своей всегда все ругать.

Одинъ изъ самыхъ острыхъ нѣмецкихъ противниковъ, извѣстный скульпторъ и живописецъ, нѣкто Вагнеръ, замѣчаетъ, впрочемъ не безъ основанія, что аллегорія Овербека никому не понятна, что фонтанъ съ двумя чашами, составляющій основную мысль картины, никакъ разгаданъ быть не можетъ безъ письменныхъ объясненій, которыя въ самомъ дѣлѣ сначала помѣщены были въ газетѣ, а послѣ у самой картины прибиты были для публики. Вотъ и Овербекъ! какъ ни глубокомысленъ, а замкнулся тоже въ темноту, не достигнувъ совершенства. Аллегоріи весьма, впрочемъ, немногимъ удавались.

LXVIII.

КЪ СЕСТРѢ ЕКАТЕРИНѢ.

(Римъ. Осень 1840.)

Вы просите, чтобы васъ потѣшить разсказами. Скажите же, съ чего начать, и какъ сдѣлать ихъ для васъ занимательными? Вы мнѣ пишете объ увеселеніяхъ въ Красномъ селѣ. Хотите, я вамъ разскажу, какія я увеселенія имѣлъ въ тоже время? Я, какъ сказалъ выше, выѣхалъ изъ Рима для написанія этюдовъ для моей картины въ Субіако—городокъ, отстоящій отъ Рима въ 40 верстахъ: онъ лежитъ въ горахъ Сабинскихъ.

Дикія и голыя скалы, его окружающія, рѣка чистѣйшей и быстротекущей воды, окруженной ивами и тополями, мнѣ послужили матеріаломъ. Я радовался, видя ихъ сродство съ тѣми идеями, какія я приобрѣлъ, посредствомъ книгъ, о Палестинѣ и Иорданѣ, и окружающихъ его деревьяхъ и горахъ.

Гостинница въ Субіако называется «Au rendez vous des artistes»—надпись, сдѣланная французомъ, женившимся на дочери бѣднаго содержателя трактира. Мы, художники, тутъ въ самомъ дѣлѣ имѣемъ наше соединеніе: утромъ, передъ восходомъ солнца—за чашками кофею, въ полдень за обѣдомъ и при закатѣ солнца за ужиномъ, гдѣ, послѣ трудовъ, мы предаемъ веселью каждый разъ. Поемъ хоромъ швейцарскія, итальянскія, французскія, нѣмецкія сентиментальныя пѣсни, пляшемъ по-итальянски подъ звуки барабана и бубновъ, представляемъ комедіи, играемъ въ солдаты, при всѣхъ на улицѣ послѣ ужина, а зять хозяина, французъ, на смѣхъ всѣхъ идетъ впереди насъ въ видѣ тамбуръ-мажора, представляя эту должность въ самомъ каррикатурномъ видѣ,—швыряемъ пряники мальчишкамъ на драку, коихъ всегда собирается безъ счету, чтобы видѣть всѣ наши сумасшествія. Наши комнаты, а особливо столовая, расписаны каррикурами всѣхъ извѣстныхъ художниковъ. Я меньше всѣхъ участвовалъ въ этихъ весельяхъ, я дѣлалъ это, чтобы только не казаться страннымъ.

Меня занимали дочери хозяина. Я не знаю до сихъ поръ, которую изъ нихъ предпочесть: Бенедетту ли Анунціатѣ, или Анунціату Бенедеттѣ. Но чтò я дѣлаю? только-что вы составили обо мнѣ хорошую идею за мое поведеніе, какъ я васъ подвергаю страху, что я уже влюбился. Нѣтъ, нѣтъ, будьте спокойны: я уѣхалъ изъ Субіако съ этюдами скалъ, ивъ и топей, обставилъ себя Библией, манекенами, оперою Феррари, Ланчи ¹⁾, Евангеліемъ, съ надеждою высидѣть какую-нибудь новую мысль къ улучшенію моего сочиненія; я даже никуда не показываюсь, развѣ только въ пятницу вечеромъ и въ субботу утромъ меня можно видѣть въ Гетто (т.-е. въ еврейской синагогѣ). Хотите-ли, я васъ еще перепугаю? Евреи меня полюбили, они подозрѣваютъ во мнѣ еврея, и полагаютъ, что я скрываю это, какъ и многіе другіе. Я имъ очень, очень нравлюсь моею начитанностью Библии, и они мнѣ очень, очень

¹⁾ Ивановъ говоритъ здѣсь о двухъ изданіяхъ, очень въ то время распространенныхъ между художниками въ Римѣ: первое изъ нихъ—*Ferrario, Il costume antico e moderno*, а другое—*Lanci, La Sacra Scrittura illustrata con monumenti*.

правятся въ своихъ синагогахъ, гдѣ я вижу гораздо болѣе набожности, чѣмъ въ нынѣшнихъ церквахъ христіанскихъ. Но нѣтъ, нѣтъ, будьте спокойны: я все это дѣлаю для моей картины.

Вамъ преданный братъ Александръ.

~~~~~

LXIX.

КЪ О Т Ц У.

(Римъ. Октябрь 1840.)

Батюшка! давно поджидалъ я вашихъ писемъ, и наконецъ получилъ оныя. Спѣшу вамъ отвѣтить, дабы съ моей стороны не было никакого пропуска. О здоровьѣ моемъ не упоминаю,—это будетъ, какъ и всегда, знакомъ лучшаго его положенія. Легчайшій способъ приобрести лѣтомъ лихорадку—заснуть въ незаселенныхъ мѣстахъ около Рима, гдѣ испаренія изъ земли и болотъ заразительны, даже и для самаго привычнаго къ нимъ жителя. Я имѣлъ несчастіе въ послѣднее путешествіе задремать ночью тамъ-же. Но полно объ этомъ.

Весьма радъ былъ, что Рихтеръ ¹⁾ васъ навѣстилъ: долго мы были съ нимъ пріятелями въ Римѣ. Онъ вамъ расскажетъ многія подробности объ мнѣ, но онъ человѣкъ всегда озабоченный, особливо теперь: дѣло идетъ поставить себя на степень важной карьеры, заставить уважать себя, приобрести довѣріе, а непріятели привести въ страхъ. Да, это довольно трудно, особливо имѣя трехъ соперниковъ.

Слышалъ я еще прежде вашего письма объ отставкѣ Егорова. Говорятъ, будто бы у него въ это время сынъ выздоравливалъ; отецъ, радуясь поправленію своего наслѣдника, принялъ довольно холодно горькое слово Царя и не жалѣлъ, что пришлось оставить уголь, сдѣлавшійся совершенно род-

¹⁾ Архитекторъ, вполнѣдствіи служившій въ Москвѣ при дворцовомъ правленіи, и авторъ превосходнаго изданія: „Памятники древняго русскаго зодчества“.

нымъ для него. Весьма радуюсь успѣхамъ брата, и надѣюсь, что у него достанетъ твердости—переносить всякія неправды и неудачи, необходимо случающіяся на пути къ дальнѣйшему развитію его способностей.

Картонъ Камуччини, натурально, долженъ нравиться Академіи, ибо въ немъ все то помѣщено, чему учить Академія. Но вынесите его изъ четырехъ стѣнъ приготовительной сей школы, и спросите у просвѣщенныхъ и расположенныхъ къ изящному людей, какое онъ на нихъ дѣлаетъ впечатлѣніе? ледовитая правильность рисунка, казенное направленіе складокъ, совершенное отсутствіе выраженія въ головахъ—никакого не сдѣлаютъ впечатлѣнія.

Весьма натурально, что Овербека у насъ не поймутъ: люди, старѣющіеся и учащіеся здѣсь по десяти лѣтъ, по большей части его не понимаютъ,—какъ же вы хотите, чтобы кто и не выѣзжалъ и не вникалъ ни во что глубоко, могъ что-нибудь о немъ сказать, кромѣ дерзости и нахальства? Моего пророка, моего единственнаго наставника, поэта-художника христіанскаго, не долго мнѣ слушать: картина моя зашла за половину дѣла, а съ нимъ вмѣстѣ близится роковое разставаніе.

Любезный братъ Сергѣй! Письмо твое, полное живости юношеской, мнѣ тоже передало какую-то свѣжесть: я съ довольствомъ улыбался, видя тебя уже выступающаго на поприще успѣховъ въ искусствѣ, уже начинающаго чувствовать. Ты говоришь: оканчивай скорѣй картину, чтобы начать другую. Сыщи мнѣ сюжетъ выше. Что ты скажешь? Ну, подобный!—трудно; нѣтъ, я думаю, и невозможно. Такъ чѣмъ же ты меня заманишь къ слѣдующей картинѣ? Останемся на томъ, что имѣемъ, и будемъ его оканчивать совѣстливо и для успѣховъ искусства.

Какъ жаль, что вы мнѣ не написали о Марковѣ. Его участь, конечно, рѣшена: скоро ему надобно очутиться въ Петербургѣ, а подновленная рана Академіи отставкой Егорова намъ обновила и нашъ страхъ на возвратъ въ отечество.

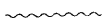

LXX.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

(Римъ. Весна 1841.)

Слухъ о вашемъ скоромъ отправленіи въ Германію, и на долгое время, заставляеть меня сообщить вамъ то, что слѣдовало бы къ концу сего года. Несмотря на все мое стараніе окончить картину «Явленіе въ міръ Мессіи» къ концу сего года, я съ горестью вижу, что, по мѣрѣ изысканій къ совершенствованію труда моего, удаляется отъ меня его окончаніе. Такое положеніе заранѣе меня смущаетъ, ибо предчувствую, что не только къ сроку, мнѣ назначенному его высочествомъ, но и не буду имѣть никакихъ средствъ къ столь желанному окончанію моего труда, ибо подарокъ трехъ тысячъ отъ Общества поощренія художниковъ въ 1839 году, сверхъ чаянія моего, обратился въ подкрѣпленіе 9-ти тысячъ, пожалованныхъ его высочествомъ. Извѣстно, что труды мои хотя и заслуживали всеобщее одобреніе, но никогда не были заплачены. Все это заставляеть меня теперь обратиться къ вамъ. По порученію вашему имѣть надзоръ надъ копіями, производящимися въ Ватиканѣ, я исполнялъ сколько могъ сіе пріятное для меня порученіе. Одна изъ нихъ, «Аѳинская школа», уже къ вамъ послана; другія: «Богословіе», «Эліодоръ», «Чудо больсенское»,—уже окончены, но теперь работа остановилась, ибо художникъ ¹⁾ боленъ и довольно опасно; однакожъ мы надѣемся на его выздоровленіе, и такимъ образомъ будутъ кончены и другія шесть, и къ назначенному вами времени.

LXXI.

КЪ О Т Ц У.

(Римъ. Весна 1841.)

Батюшка!

Долго ожидалъ я письма вашего, наконецъ вы имъ потѣшили. Удивляюсь быстротѣ вашей работы—въ полтора мѣ-

¹⁾ Сланиславичъ—сербъ, о которомъ идетъ рѣчь и въ другихъ письмахъ Иванова, къ отцу и къ Жуковскому.

сяца написать четыре лица въ естественную величину, тогда какъ мнѣ нужно бы тутъ, по крайней мѣрѣ, полгода! Я въ Петербургѣ умру съ голода, не зовите меня туда.

Картина моя весьма еще далека отъ окончанія, но, можетъ быть, безденежье заставитъ меня увидѣться съ вами и прежде ея окончанія. Это мы рѣшимъ черезъ полгода.

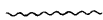
Очень радъ, что вы хотите начать дѣло Засена, ибо десяти-лѣтнее молчаніе совѣмъ его уничтожить можетъ передъ закономъ. Но я никакъ теперь не могу утруждать въ этомъ дѣлѣ Жуковского, ибо мои отношенія къ нему слишкомъ еще новы и шатки. Посмотримъ, что будетъ далѣе, а вы начните дѣло. Можетъ быть, буду просить Общ. поощ. худ. черезъ Григоровича, а впрочемъ и то посмотримъ.

Любезный братъ! Очень радъ, что ты сближаешься съ Рихтеромъ. Онъ вѣроятно будетъ ѣздить не рѣдко въ Петербургъ, для свиданія съ своими родителями. Я надѣюсь, что онъ тебѣ много можетъ быть полезенъ, по части ученія архитектуры. Онъ здѣсь учился много и совѣстливо. Письмо его къ Иордану преинтересное. Онъ тамъ самыми живыми красками изобразилъ наше художественное положеніе — въ настоящемъ его видѣ. За это ему спасибо скажи отъ меня, если увидишь. Пріятно мнѣ будетъ увидѣть твоего старшаго Эшингера, хотя я и теперь весьма отъ многихъ слышу о тебѣ похвальные отзывы, и начинаю вѣрить, что это не комплименты мнѣ говорятъ, чтобы только меня позабавить, но истинно. Дай Богъ, чтобы наконецъ и тебѣ добраться до чужихъ краевъ, и здѣсь накопить знанія ко славѣ и пользѣ отечества.

Кузьминъ въ послѣднемъ письмѣ къ Томаринскому ¹⁾ пишетъ о тебѣ весьма хорошо. Я вижу, что ты если не сблизился съ нимъ, то этому остается весьма не многое; я, признаюсь, съ нимъ не былъ такъ коротокъ, какъ съ Рихтеромъ, хотя, впрочемъ, и бывалъ ему полезенъ. Но онъ характера вѣтренаго, вотъ почему съ нимъ было мудрено сойтиться. Марковъ поѣхалъ въ Петербургъ; осенью онъ уже туда прибудетъ. Я думаю, что онъ зайдетъ къ батюшкѣ,—такъ, по

¹⁾ Молодой архитекторъ, пенсіонеръ Академіи Художествъ.

крайней мѣрѣ, онъ здѣсь мнѣ говорить. Странное явленіе: вотъ человѣкъ, котораго чужіе край уничтожили! Онъ добръ до слабостей, весьма разсудителенъ, но лѣнивъ до безподобія, и потому свобода пенсіонера его совсѣмъ сгубила. Каневскій, какъ католикъ и только, успѣлъ пролѣзть къ папѣ, написалъ съ него портретъ, и на этихъ дняхъ получилъ орденъ Золотой шпоры, и называется «каваліеръ Каневскій». Очень пріятно слышать ко мнѣ расположеніе членовъ Академіи. Но признаюсь, что служить въ Академіи меня заставитъ самая крайняя, страшная нужда. Бруни картина уже готова, и здѣсь выставлена, а въ половинѣ іюня онъ ее отправляетъ съ паромомъ, и самъ ѣдетъ въ Петербургъ. Онъ недоволенъ здѣшней публикой: всѣ въ голосъ говорятъ, что не видно главнаго лица въ картинѣ (Моисей), но что группа расположена безподобно, и что все написано удивительно. Мы, русскіе, молчимъ,—мы тутъ нейтральны. Бруни болѣе итальянецъ, чѣмъ русскій. Еслибы мы изобразили нашу радость какимъ-нибудь торжественнымъ пиромъ, то остались бы въ дуракахъ въ глазахъ итальянцевъ, которые съ нимъ вмѣстѣ вѣрятъ, что только изъ итальянскаго происхожденія можетъ сложиться человѣкъ, столь свободно владѣющій исполнительною частью.

LXXII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Весна 1841.)

Батюшка! Я бы желалъ, чтобы письма мои вы сохраняли: они будутъ интересны со временемъ. Постороннія въ нихъ вещи хотя, можетъ быть, теперь васъ не занимаютъ, но онѣ знакомятъ брата съ римскою жизнію, служатъ для него предварительнымъ наставленіемъ, да и мнѣ все это вспомнить будетъ пріятно. Нынѣшнее письмо весьма тоже коротко, и потому я пополняю его посторонними записками.

За годъ до пріѣзда Наслѣдника въ Римъ, рекомендовался мнѣ сербъ, только-что пріѣхавшій изъ Пешта, мѣста своего

рожденія, сказавъ, что онъ восхищенъ былъ моимъ именемъ, столь славно описаннымъ въ венгерскихъ газетахъ. Видя славянина и единовѣрца, я съ нимъ сблизился, узнать, что онъ весьма образованный человѣкъ и имѣеть способности къ живописи, но величайшая бѣдность препятствовала ему что-либо начать. Я, между прочимъ, посылаю серба съ маленькой копией изъ Ватикана къ В. А. Жуковскому. Копія понравилась, и его превосход. желаетъ имѣть весь Ватиканъ, или 13 копій рафаэлевскихъ фресокъ, въ величину эстамповъ. Я упрощаю серба не братья за это дѣло, ибо цѣна слишкомъ малая. Сербъ цѣлуетъ, благодаритъ и обнимаетъ меня, не слушаетъ въ этомъ, и рѣшительно берется за дѣло. Такимъ образомъ пять тысячъ рублей ассигновано на сей конецъ, съ тѣмъ, чтобы выдавать изъ оныхъ сербу, по мѣрѣ изготовленія копій. Не сдѣлавъ и половины оныхъ, онъ уже получилъ болѣе половины денегъ, и занемогъ. Докторъ объявилъ, что у него чахотка, отъ коей никоимъ образомъ спастись ему нельзя. Но больной просить денегъ, онъ болѣзненно раздражителенъ, сердится на всѣхъ, на меня даже, за то, что сумма слишкомъ мала за его работу, и требуетъ еще впередъ денегъ. Каково мое положеніе? я не смѣю говорить убійственной правды, что денегъ ему нѣтъ. Общество русскихъ художниковъ, по моему имъ представленію, согласилось помочь ему уѣхать на родину—и вотъ на этомъ все остановилось.

LXXXIII.

КЪ О Т Ц У.

(Римъ. Лѣто 1841.)

Батюшка! Немедленно стараюсь отвѣтить на ваши письма. Весьма радуюсь, что братъ мой идетъ впередъ. Продолжаетъ-ли онъ рисовать съ антиковъ?—это, по мнѣ, нужнѣе для него, чѣмъ натурщикъ. Архитекторы вообще прибѣгаютъ къ помощи живописца, когда случатся статуи въ ихъ проектахъ, а лучше-бы (было), еслибъ они сами ихъ рисовали, ибо чужое

чувство слишкомъ рѣдко попадаетъ въ ладъ. Да и всегда-ли случится найти рисовальщика?

Что вамъ сказать? Предметы, меня окружающіе, все, какъ будто, одни и тѣ-же: страсти людей, ихъ радости и горе, ихъ забота, ихъ поступки, хотя и наблюдаются, но это записывается карандашомъ въ фигурахъ и служитъ запаснымъ магазиномъ;—но это если описывать, то совѣмъ потеряешься, надоѣшь. Да, вотъ что хотѣлъ сказать. Предшествующее письмо заключало приписку къ брату Сергѣю, кое-что весьма необдуманное: я тамъ хвастуномъ себя представилъ, и это предосадно.

Съ художниками русскими я вообще часто выдаюсь, съ Иорданомъ однакоже чаще другихъ. Сходки наши чѣмъ рѣже, тѣмъ мирнѣе, и даже есть надежда на уваженіе другъ къ другу. Съ нѣкоторыми пріѣзжими русскими я знакомъ, и въ особенности съ лучшимъ нашимъ литераторомъ, Н. В. Гоголемъ. Это человѣкъ необыкновенный, имѣющій высокій умъ и вѣрный взглядъ на искусство. Какъ поэтъ, онъ проникаетъ глубоко, чувства человѣческія онъ изучилъ и наблюдалъ ихъ, словомъ — человѣкъ самый интереснѣйшій, какой только можетъ представиться для знакомства. Ко всему этому онъ имѣетъ доброе сердце. Вотъ примѣръ его доброты. Нѣкто изъ нашего общества, художникъ лѣтъ 20, Шаповаловъ, получалъ отъ Общества поощренія художниковъ пенсію въ 80 руб. въ мѣсяцъ; обращаясь къ банкиру 1 февраля для капли сей живой воды, онъ получилъ отказъ, увидѣвъ предписаніе отъ Общества. Такимъ образомъ онъ остался безъ куса хлѣба. Въ отчаяніи онъ былъ ни на что не способенъ. Гоголь, видя общее состраданіе, несмотря на свое нездоровье, рѣшается прочесть свое произведеніе «Ревизоръ» въ пользу Шаповалова. Билетъ стоилъ не менѣе скудо, и вотъ въ залѣ княгини Зинаиды Волконской собрались всѣ русскіе. Для меня это было весьма важнымъ—видѣть отечественнаго лучшаго писателя читающимъ свое собственное произведеніе. И въ самомъ дѣлѣ (это) было превосходно, вслѣдствіе чего собрано 500 руб., и Шаповаловъ съ ними начинаетъ важную копію съ картины Перуджино, въ Ватиканѣ. Выдача денегъ и попеченіе о немъ довѣрено мнѣ, что сдѣлаю единственно изъ

уваженія къ Гоголю; въ противномъ-бы случаѣ никакой охоты не имѣлъ заниматься ученикомъ,—обязанность самая несносная для непривычнаго и совѣстливо ее понимающаго. Мнѣ недавно случилось прочесть отчетъ Общества поощренія художниковъ: они имѣютъ 50 тысячъ въ годъ—сумма эта въ рукахъ одного умнаго и одареннаго чувствомъ изящнаго могла-бы весьма много значить. Но у нихъ она, Богъ знаетъ, какъ расходится. Меня они оставили на половинѣ дороги, сказавъ, что у нихъ есть другіе молодые люди, достойные пенсіонерства. Бакуниной они выдавали почти то-же, что и мнѣ, въ продолженіи трехъ лѣтъ,—деньги совершенно пропація. Мелкихъ пенсіонеровъ у нихъ много, изъ которыхъ ни одинъ не будетъ что-нибудь значить. Они очень щедры на словесномъ одобреніи: я, на примѣръ, напечатанъ тамъ весьма красиво, а въ головѣ у меня безпрестанное недоумѣніе, какимъ образомъ продолжать трудъ мой, весьма правящійся, всеми славимый?

LXXIV.

КЪ ЛАПЧЕНКЪ.

(Римъ. Осень 1841.)

Ты просилъ, чтобы я представилъ тебѣ житье-бытье и успѣхи нашихъ художниковъ,—вещь трудная, ибо я съ тѣхъ поръ, какъ хлопоталъ объ раздачѣ работъ отъ Наслѣдника, стараюсь отъ нихъ быть въ разстояніи. Однакожъ я тебѣ кое что скажу. Бруни окончилъ свою картину. Здѣсь были всѣ довольны, а особливо итальянцы, но нѣмцы уничтожили его картину въ своемъ журналѣ, говоря: жаль что трудъ, столь великій и сопряженный съ большими издержками, не заключается въ себѣ ничего другаго, кромѣ размаха кисти. Бруни повезъ картину въ Петербургъ, теперь она уже представлена Государю, но извѣстія объ этомъ еще не успѣли до насъ дойти.

Моллеръ много уже посылалъ своихъ работъ въ Петербургъ, а именно: «Пастушка», «Поцѣлуй», профиль своей пре-

красной, «Русалку»,—последняя въ мѣру твоей «Сусанны», и вся нагая. Шамшинъ работаетъ много, и все держать въ студіи; однакожъ, одна изъ его картинъ была выставлена здѣсь, представляющая «Петра на Ладогѣ»,—объ немъ здѣсь говорили. Иорданъ продолжаетъ гравировать «Преображеніе». Онъ точно, какъ я, проживаетъ послѣднія деньги. Завьяловъ мѣрою холста сравнялся съ Брюлло, Бруни и мною. Каневскій успѣлъ получить крестъ Золотой шпоры, за папскій портретъ. Тырановъ пишетъ картину: «Младенецъ Моисей, найденный въ рѣкѣ Нилѣ». Чернецовы производятъ массу посредственныхъ ландшафтовъ и перспективъ. Гайвазовскій, который о тебѣ сказалъ, что ты ослѣпъ, работаетъ тоже скоро, но хорошо: онъ исключительно занимается морскими видами, и такъ какъ въ этомъ родѣ нѣтъ здѣсь художника, то его заславили и захвалили. Онъ много работаетъ на заказъ, имѣя пенсію на шесть лѣтъ, и, слѣдовательно, будетъ имѣть добрый капиталъ. Пименовъ сдѣлалъ «Нищаго просящаго милостыню», а Логановскій—«Аббадонну». Оба теперь начинаютъ высѣкать ихъ изъ мрамора. Томаринскій умеръ, его реставрація Виллы Адріана прекрасно начата. Шаповаловъ копируетъ въ Ватиканѣ, съ Перуджино, «Мадонну, окруженную четырьмя святыми», и нехудо.

Прочіе художники русскіе составляютъ покуда только счетъ.

О Бѣлоусовѣ я узналъ отъ Княжевича, который былъ на прощальномъ обѣдѣ, данномъ Маркову. Я и Иорданъ просили его превосходительство поддержать Бѣлоусова, и улучшить по возможности его существованіе, и кланяться отъ всего общества русскихъ художниковъ въ Римѣ, признавая его по справедливости за царя русскихъ рисовальщиковъ.

Намъ здѣсь назначенъ начальникомъ Кривцовъ, который получаетъ 30 тысячъ жалованья ¹⁾ по сему случаю, и скоро сюда прибудетъ.

¹⁾ Ассигнаціями.

LXXV.

КЪ ГОГОЛЮ.

(Римъ. Октябрь 1841.)

Приѣхавъ въ Римъ въ послѣднихъ числахъ сентября, я былъ извѣщенъ отъ Валентини, что для васъ есть письмо, но векселя въ немъ не оказалось. Я привезъ съ собой изъ Ариччи десять этюдовъ, которые теперь приспособливаю къ картинѣ. Иорданъ весьма чувствуетъ ваше отсутствіе. Недавно набѣжавшіе молодые пенсіонеры совсѣмъ съ нами не сходятся, да имъ и некогда.—Недѣлю назадъ былъ здѣсь Гречъ, спрашивалъ у меня объ васъ, что вы дѣлали здѣсь? Я сказалъ, что ничего не знаю.—«Его у насъ слишкомъ захвалили, говорилъ онъ, и потому, я полагаю, что онъ ничего не дѣлаетъ».

Гречъ думалъ, что его примутъ въ Италіи какъ европейскаго литератора, но это не случилось. Онъ ругаетъ Италію, сколько силъ достааетъ. Его статья о насъ, художникахъ русскихъ въ Римѣ, посланная печататься въ «Сѣверную Пчелу», должна быть уморительная: все написано въ-попыхахъ, бѣгло, безъ малѣйшихъ приготовленій ¹⁾.

LXXVI.

КЪ О Т Ц У.

(Римъ. Конецъ 1841.)

Батюшка! Деньги, очень долго ожидаемая, и ваше письмо наконецъ я получилъ. Прошу, однакожь, теперь не медлить отвѣтомъ, ибо я, соображаясь съ онымъ, буду править моими дѣлами. Очень можетъ быть, что вы услышите что-нибудь на счетъ рѣшенія: оставаться-ли мнѣ въ Римѣ, съ продолженіемъ способовъ на окончаніе картины, или уже ѣхать

¹⁾ Письмо Греча къ Булгарину, о работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ, было помѣщено въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1841 г., № 243.

въ Россію? Не страшитесь, однако-жь, сего роковаго рѣшенія, и пишите все, что прослышите. Да вотъ что еще: напишите мнѣ, что объ моей картинѣ сказано въ «Сѣверной Пчелѣ», ибо Грець посѣтилъ насъ въ Римѣ, непременно хотѣлъ объяснить и достоинства наши и бѣдность, и даже замолвить два слова у его высочества.

Я очень радъ, что вы мнѣ описали выставку въ Академіи; замѣчательнѣе всего для меня было сужденіе ваше о копіи Рафаэлева «Коронованія Богородицы». Этой картинѣ покланяется здѣсь самая лучшая и большая часть художниковъ; она даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, весьма замѣчательныхъ, людей оспариваетъ «Преображеніе», а вы говорите: еслибъ этотъ же художникъ сдѣлалъ-бы копию такого же искусства съ лучшаго произведенія извѣстнаго мастера, то услужилъ бы много. А я скажу, что еслибъ наши молодые живописцы не копировали другаго, какъ только съ этой копіи, или лучше съ Леонардо-да-Винчи «Св. Семейства», что въ Эрмитажѣ, то живопись наша нашла бы, наконецъ, настоящую свою базу.

Копія съ «Коронованія Богородицы» сдѣлана Біанкини, извѣстнымъ по своему тонкому взгляду на искусство; онъ и въ литературѣ здѣсь занимаетъ лучшее мѣсто. Одинъ картонъ, приготовленный для контура этой картины, стоилъ ему болѣе года, да прописалъ онъ ее полтора.

Очень радъ успѣхамъ моего брата. Стало быть онъ имѣетъ теперь четыре серебряныя медали: двѣ малыхъ и двѣ большія,—такъ-ли? Когда онъ будетъ конкурировать на золотую? Я вѣдь совершенно не знаю нынѣшняго порядка академическаго.

Какъ жаль, что вы не видѣли оконченной картины Бруни: «Мѣдный змѣй въ пустынѣ». Я, признаюсь, въ письмѣ нашемъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ объ ней сужденія. Надѣюсь, что вы, по полученіи сего моего письма, опишите мнѣ все въ подробностяхъ, какъ и что происходило при ея выставкѣ, и чѣмъ все это кончилось. Сюда писалъ Кузьминъ къ Логановскому, что ее приняли хорошо, что Государь каждый день ходилъ ее смотрѣть, и что пускаютъ ее видѣть не иначе, какъ по билетамъ. Кузьминъ въ этомъ же письмѣ жалуется на обоихъ Тоновъ за то, что они всячески препят-

ствовали ему въ полученіи званія профессора. Я тутъ подозрѣваю интригу: зачѣмъ же было Тону просить моего брата помогать ему работать? Вѣрно Бруни уже съ вами не таковъ, какъ былъ прежде. Вы тоже про его пріязнь ничего не упоминаете. Его «Тайная вечеря» писана наскоро, чтобы зашибить деньгу. Кузьминъ желалъ отблагодарить брата моего, сказавъ, что головы въ моей картинѣ равны лучшей головѣ въ «Тайной вечери», Бруни. Еслибы это сказалъ человѣкъ, истинно понимающій живопись, то я бы пріунылъ, потому что влвсе не желалъ бы имѣть достоинства Бруни въ выраженіи головъ. Однако-жъ, я думаю, братъ мой будетъ учтивъ и вѣжливо съ Кузьминымъ. Въ свѣтѣ нужно маску надѣвать, чтобы не испортить дѣлъ собственныхъ.

Если Богъ поможетъ мнѣ выхлопотать отсрочку пенсіона у Государя Наслѣдника, то тогда мое положеніе въ половинѣ наступающаго года должно быть совершенно рѣшено: ѣхать-ли мнѣ въ Россію съ неоконченной картиной, или нѣтъ?

Я бы очень хотѣлъ знать, имѣете ли вы способы прожить вашу старость безъ помощи? Этотъ важный для меня вопросъ, можетъ быть, вамъ покажется страннымъ. Но отвѣтъ на сіе, давно желаемый, мнѣ весьма нуженъ—для грядущихъ моихъ плановъ. Я не понимаю, почему вы такъ удаляетесь отъ Григоровича? Я бы желалъ, чтобы вы, передъ тѣмъ, чтобы писать отвѣтъ на сіе письмо, сходили бы его навѣстить, поговорили бы съ нимъ о возможности—скорѣе задать брату программу на золотую медаль. Спросите его, видѣлъ ли онъ копію съ «Пророка Исаи», Шаповалова?

Любезный братъ, ты меня радуешь и утѣшаешь твоими успѣхами. Дай Богъ тебѣ здоровья и ума для его сохраненія. Этого только я тебѣ желаю. Остальное все придетъ само собою при твоихъ стараніяхъ, хотя подѣ часъ и тяжкихъ.—Кузьминъ самъ сюда писалъ къ Скотти; натурально, что онъ себя въ письмѣ обрисовалъ героемъ. Замѣчательно, однакожъ, изъ его письма, что Рихтеръ не былъ сдѣланъ въ конференціи профессоромъ, а утвержденъ на другой день въ этомъ званіи въ совѣтѣ.

Очень радъ буду въ слѣдующемъ письмѣ читать извѣстіе о пріемѣ Маркова, о картинѣ Бруни и о здоровьѣ Григоро-

веча. Эти три пункта теперь весьма бы мнѣ были интересны, и чѣмъ подробнѣе, тѣмъ лучше.

Гайвазовскій человекъ съ талантомъ. Его «День Неаполя» заслужилъ общее одобреніе въ Римѣ: воду никто здѣсь такъ хорошо не пишетъ, а его «Хаоса» я не видалъ, ибо онъ былъ написанъ для папы, съ намѣреніемъ получить крестъ. Но, вмѣсто этого, онъ получилъ медаль, стоящую гораздо менѣе, чѣмъ рама картины,—съ просьбою, дать больше опредѣленія головѣ Саваоова,—окладъ фигуры какъ бы изъ водяной пыли и нахлобученныхъ облаковъ. Все это показываетъ вспышки горячей головы Гайвазовскаго, и заставляетъ за него бояться, чтобы онъ (не) сбился въ маньеризмъ. У него, между прочимъ, большая страсть печататься въ газетахъ.

Твои письма болѣе и болѣе прекрасны. Но тебѣ не худо бы нѣсколько быть потерпѣливѣе, не оторчаться, не отчаяваться при встрѣчѣ непріятностей, и не ласкать себя моей будущностью. Три вещи намъ нужны: совѣстливость труда, строгая нравственность, и настойчивость,—эти дары мы уже болѣе или менѣе имѣемъ, и, слѣдовательно, должны быть довольны нашимъ настоящимъ положеніемъ — и благодарить Бога.

Совѣмъ забылъ сказать вамъ, что мы недавно лишились отличнаго нашего товарища—Томаринскаго. Нельзя вспомнить о немъ безъ горестнѣйшаго чувства. Онъ умеръ на нашихъ рукахъ, мы ему закрыли глаза, мы снесли его въ могилу. Его реставрація Виллы Адриана останется незабвеннымъ памятникомъ на полѣ русскихъ художниковъ. Я бы просилъ покорнѣйше васъ, батюшка, посѣтить родителей покойнаго, раздѣлить грусть ихъ и изъяснить имъ наше общее горе, въ особенности, когда вспоминаемъ, какое впечатлѣніе должна была сдѣлать его кончина на его родителей.

